

с южной части Атлантического хребта содержали остатки пресноводных диатомовых водорослей. В своей докторской диссертации, очень объемном исследовании, опубликованном в 1945 г., самой важной энтомологической публикации Малеза, он объясняет распространение складчатокрылых ос существованием сухопутных перемычек между континентами (10, р. 1–288). Эти идеи были детально изложены в книге Малеза «Атлантида: подтвержденный миф» (11, 14). Его интерес к геологии и биогеографии стимулировался тем, что он обдумывал факт о том, что пилильщик в Патагонии и Аргентине имел своих ближайших родственников в Европе. Малез верил, что это наилучшим образом объяснялось сухопутными перемычками между континентами, нежели континентальным сдвигом. Очевидно, он не принимал во внимание тот факт, что пилильщики в южной Аргентине и Чили имели таких же близких, если не сказать ближайших, аналогов в Северной Америке.

Книга Малеза получила смешанные отзывы, но идеи Одхнера и Малеза о движениях, происходивших в коре, были полностью отвергнуты геологами и геофизиками, которые утверждали, что температуры, установленные в земной коре, вероятно, не смогли бы вызвать такие резкие движения. Однако ясно, что те территории, которые сейчас погружены под воду, в недавнем прошлом находились над водой. Примером служит Доггерлэнд, территория, ныне затонувшая и в настоящем известная как Доггер-бэнк рядом с побережьем Нидерландов и Бельгии, где были найдены остатки леса, бивней мамонта и каменных инструментов охотников. Исландия и Азорские острова являются частью Срединно-Атлантического хребта, которые в настоящее время находятся над уровнем моря и, следовательно, идея о большем Срединно-Атлантическом острове не могла быть полностью неправдоподобной.

Уход на пенсию

После ухода на пенсию интересы Малеза еще больше сместились в сторону геологии и старинной живописи (12, р. 231–260), и после своей последней публикации по пилильщикам (13, р. 20–39), казалось, он довольно внезапно решил перестать работать. Он резко прервал длительную переписку и обмен материалами с коллегами, оставил некую работу незавершенной и не вернул огромное количество материалов, взятых на время из музеев со всего мира.

В послевоенные годы, в течение того времени, когда многие важные предметы искусства вращались в Европе, у него возник сильный интерес к искусству. Он покупал старинные европейские картины на аукционах, блошиных рынках и в антикварных магазинах Лондона и Стокгольма. Ходили слухи об искусно подделанном Рембрандте, но Малез заявил, что картины, которыми он владеет, являются оригиналами, а их вторые экземпляры в художественных музеях и галереях являются подделками. Он умел быть очень убедительным, но, по крайней мере, в нескольких случаях было доказано, что он неправ. Коллекция картин Малеза была подарена факультету искусств университета Умео (Umeå University) в 1970-х гг.

После того как дни его путешествий прошли, он купил летний домик в Симпнасе (Simpnäs) на острове Бьорко (Björkö) в Стокгольмском Архипелаге. Эта собственность позже была подарена фонду друзей Шведского музея естествознания (Riksmuseets vänner). Данная организация также управляет трастовым фондом Эббы и Рене Малез (Ebba and René Malaise trust fund), который спонсирует энтомологические исследования. В течение последних лет жизни, он, по-видимому, проводил все больше и больше времени на Симпнасе, где 1 июля 1978 г. сердечный приступ положил конец его долгой и увлекательной жизни.

1. *Ahlberg O.* Föreningsmeddelanden // Entomologisk Tidskrift. № 61 (3–4). 1940. P. 143–156; *Andersson L. G.* Batrachians from Burma collected by Dr R. Malaise and from Bolivia and Ecuador collected by Dr C. Hammarlund. Arkiv för Zoologi. 30A (23). 1939. P. 1–24.

2. *Bergman S.* Kamchatka: skildringar från en treårig forskningsfärd. Stockholm : Albert Bonniers Förlag, 1923. 443 p.

3. *Bergman S.* Through Kamchatka by dog-sled and skis. London. Seeley, Service, & Co., 1927. 106 p.

4. *Hultén E.* Men roligt har det varit. En forskares memoarer. Generalstabens litografiska anstalt. Stockholm : 1973. 460 p.

5. *Kullander S. O., Britz R.* Revision of the family Badidae (Teleostei: Perciformes), with description of a new genus and ten new species. Ichthyological Exploration of Freshwaters. 2002. P. 13, 295–372.

6. *Malaise R.* Jakter och jordbävningar: Öden och äventyr i fjärran Östern [Hunts and earthquakes: Fates and adventures in the Far East]. Uppsala : Lindblad Förlag, 1924. 170 p.

7. *Malaise R.* Bland underliga folk i Burma. [Among extraordinary people in Burma]. Stockholm : ”Ymer” Swedish Society for Anthropology and Geography, 1936. P. 1, 19–41.

8. *Malaise R.* A new insect trap // Entomologisk Tidskrift. № 58. 1937. P. 148–160.

9. *Malaise R.* Tenthredinoidea of South-Eastern Asia with a general zoogeographical review // Opuscula Entomologica. Suppl. 4. 1945. P. 1–288.

10. *Malaise R.* Atlantis: en geologisk verklighet. Stockholm : AB Nordiska Bokhandeln, 1951. 227 p.

11. *Malaise R.* New Oriental saw-flies (Hymen. Tenthred.) // Entomologisk Tidskrift. № 82 (3–4). 1961. P. 231–260.

12. *Malaise R.* New genera and species of the subfamily Blennocampinae (Hym. Tenthred.) // Entomologisk Tidskrift. № 85 (1–2). 1964. P. 20–39.

13. *Malaise R.* Atlantis: a verified myth. Affärstryckeriet i Norrtälje / R. Malaise. 1973. 38 p.

14. *Nordström E. B.* Byn in vulkanens skugga [The village in the shadow of the volcano] / E. B. Nordström. Stockholm : Bonnier, 1930. 273 p.

15. *Odhner N. H.* The Constriction Hypothesis. A Research on the Causes of Crustal Movements. Geografiska Annaler. 1934. P. 16, 109–124.

16. *Rendahl H.* Beiträge zur Herpetologie von Birma. Arkiv för Zoologi. 1937. P. 29, 1–29.

17. *Rendahl H.* Über das Vorkommen des *Misgurnus anguillicaudatus anguillicaudatus* (Cantor) in Birma. Arkiv för Zoologi. № 35A (4). 1943. P. 1–9.

18. *Rendahl H.* Die Süßwasserfische Birmas. I. Die Familie Cobitidae. Arkiv för Zoologi. № 40A (7). 1948. P. 1–116.

19. *Rendahl H., Vestergren G.* Eine neue Art der Gattung *Glyptosternon* s. str. aus dem nordöstlichen Birma. Zoologischer Anzeiger. 1941. P. 133, 213–214.

20. *Sjöberg F.* Flugfällan [The fly trap] // F. Sjöberg. Stockholm : Bokförlaget Nya Doxa, 2004. 233 p.

Т. В. Воробьева

«МЕНЯЮЩИЙСЯ ОБЛИК ВИТУСА БЕРИНГА...» ПЕТЕР УЛЬФ МЕЛЛЕР О РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВИТУСА БЕРИНГА

История как наука – одно из сложнейших поприщ: она знает бесчисленное множество фактов низвержения кумиров, перемены взглядов на различные исторические события. Не случайно некоторые предпочитают считать ее искусством. Но все же история является наукой. Знания становятся наукой, обретая систему, а история систематизируется. Для понимания многих явлений необходимо увидеть их исторические корни, что порождает порой остроту ранее забытых сюжетов. В 2002 г. в Дании вышла книга «Под командой Витуса Беринга», созданная историками Петером Ульфом Меллером и Наталией Охотиной-Линд. К сожалению, пока она не переведена на русский язык, хотя, несомненно, представляет большой интерес для исследователей экспедиций Витуса Беринга. В ней на основе документов, открытых в последнее десятилетие XX в., рассматривается историография экспедиций, роли их участников, научные и политические цели этих грандиозных мероприятий.

Одна из глав исследования («Меняющиеся облики Витуса Беринга. Критическое изучение российской и датской историографии его экспедиций») посвящена рассмотрению личности самого руководителя двух экспедиций в российской и датской историографии. Автор – профессор Славянского отделения Института истории и региональных исследований Орхусского университета Дании Петер Ульф Меллер, предупреждает читателя, что несмотря на огромное количество публикаций, посвященных изучаемой теме, его внимание будет направлено исключительно на работы российских и датских исследователей. В нашей статье, в связи с ограниченностью ее объема, мы обратимся лишь к анализу ученых российской историографии.

Эпиграфом к своей работе исследователь взял слова Ганса Христиана Андерсена: «Это было опубликовано в газете, это было напечатано, и это чистая правда, что одно маленькое перышко может вырасти до размера пяти больших птиц».

Петер Ульф Меллер подчеркивает отличие художественной литературы, в которой вымышленные образы обретают жизнь, от историографии, где речь идет о реальных людях, однако их характеры могут быть обрисованы столь затейливо, что даже трудно представить, что такие когда-либо существовали. Витус Беринг – реальная фигура. Его рождение зарегистрировано в журнале церковного прихода его родного датского города Хорсенса. Ясно, что факт его существования не

подлежит обсуждению. Даже его скелет и череп были реконструированы в Институте судебной медицины в Москве. Но словесная реконструкция Беринга началась значительно раньше, фактически вскоре после смерти исследователя, в XVIII в. – это повествования о его достижениях и провалах. Какие же части из его богатой событиями и относительно документированной жизни избрали писатели, выглядит ли Беринг реальным? Петер Ульф Меллер предлагает взглянуть на некоторые этапы исторической и литературной реконструкции человека – Беринга.

Первый полный и детальный отчет о двух экспедициях был опубликован в 1758 г. («Nachrichten von Seereisen, und zur See gemachten Entdeckungen, die von Russland aus längst den Küsten des Eismeerer und auf den Ostlichen Weltmeere gegen Japon und America geschehen sind») (1). Его автору, Миллеру, поручалась роль путешествующего историка экспедиции. Официальный статус отчета не предотвратил Миллера от выражения его личных взглядов или от преувеличения его личного вклада в успех экспедиции... В целом, отчет Миллера – объективное повествование о событиях. Личности упоминаются как люди, выполнявшие то или это, но никогда не характеризуются в деталях. Только несколько из наиболее выдающихся членов экспедиции (Беринг, Чириков, Гмелин, Стеллер) сопровождаются небольшими биографическими заметками, или, если быть более точным, они появлялись в связи со смертью человека, в качестве некролога. Архивные документы показывают, что Миллер также собирал материалы для заметок по Мартину Шпанбергу, но в печатном отчете от них нет и следа. Возможно, он решил удалить их, узнав, что в 1758 г. Шпанберг был еще жив. Беринг получает краткий и нейтральный некролог, как часть более детального описания его смерти на острове. Читатель узнает, что он был датчанин по происхождению и ходил в море для Ост- и Вест-индских компаний в юности. За этой информацией следует беглый и неполный перечень продвижения по службе в Российском военно-морском флоте, что привело к достаточно сдержанному выводу о его заслугах: у Беринга были навыки, соответствовавшие должности, и много опыта. Поэтому ему дважды доверили руководить таким выдающимся мероприятием. Миллер оплакивает тот факт, что Беринг был вынужден завершить свои дни таким несчастным образом, описывая, как капитан-командор провел свои последние дни, лежа в едва прикрытой яме на берегу. Необычное и грустное полу-захоронение живого Беринга стало популярной составляющей в последующих описаниях. Несмотря на усилия быть нейтральным, Миллер также инициировал другую часто повторяющуюся мысль – о частичном провале Первой Камчатской экспедиции. Как можно было ожидать, это произошло в пассаже по картографии. Главная попытка Беринга, объяснял Миллер, была начертить на карте прибрежную линию на север от устья р. Камчатки, в чем он «прилично преуспел». Однако капитан-командор достиг не северо-восточной оконечности Азии, как он думал, а только мыса, называемого «Сердце-камень». Настоящая северо-восточная оконечность – «Чукоцкий Нос», на несколько градусов дальше на север, чего никто на борту корабля не мог знать, добавляет снисходительно Миллер, пока благодаря собственным географическим изысканиям автора (т. е. Миллера) в Якутске в 1736 и 1737 гг. это не выяснилось позднее. Просматривая задания, планируемые для Второй Камчатской экспедиции, Миллер отмечает, что цель первой не обсуждалась снова с той поры, как было решено, что она уже выполнена. Однако, отмечает П. У. Меллер, к концу XVIII в., после третьего вояжа капитана Кука, стало ясно, что Беринг, а не Миллер был прав в отношении положения Азиатской северо-восточной оконечности. Тем не менее, вопросу о возможной неудаче Первой Камчатской экспедиции суждено было стать центральной темой в последующих историографических исследованиях. Что касается Второй экспедиции, Миллер подчеркивает, что к 1736 г. Беринг «все еще» был в Якутске, организуя транспортировку провизии в Охотск, пока Шпанберг там же отвечал за строительство кораблей, и никто из них не преуспел. Задержка Второй экспедиции периодически критиковалась Санкт-Петербургом, так что Миллер был вполне убежден в его правоте, включив эту тему, подразумевавшую критику руководства экспедиции. Но так как задержка служила предлогом двум профессорам – Миллеру и Гмелину – вернуться из экспедиции, не посетив Камчатку, Миллер, казалось, имел дополнительный интерес в привлечении внимания к этому делу. Добавим, что одним из первых критиков В. Беринга был капитан-поручик Василий Казанцев, который жил и служил в Кронштадте, но в 1727 г. за высказывание в поддержку А. Д. Меншикова Казанцев сам был арестован и по указу Петра II от 5 января 1728 г. «за непристойные слова» отправлен в Сибирь в команду В. Беринга. Обвинения его в адрес Беринга сводились к тому, что деятельность Второй Камчатской экспедиции обходится государству слишком дорого, в Охотск посылается множество людей всякого чина, отчего «чинится государству убыток или разорение, а доброго и прочного ничего не будет и сделать неисчислимо». Поэтому нужно остановить экспедицию как можно скорее, ибо «ежели такое нерассудительное отправление с таким великим коштом еще

несколько лет продолжится, то государству великий убыток учинится, для того, что люди все с голоду помрут, а интересы все даром пропадут» (2). Казанцев писал также о долгом пребывании Беринга в Якутске и зимних развлечениях офицеров. К доношению были приложены чертежи неизвестной земли близ Камчатки и на юг от нее, пути от Якутска до Охотска и р. Амур.

Возможно, у капитан-командора были основания для задержки. Ведь снабжение огромной экспедиции, разбросанной по Сибири, требовало исключительной энергии. Так, например, только в одном 1738 году и только из Якутска к Юдомскому кресту было отправлено: муки – 13 тыс. 896 пудов, сухарей – 593 пуда, круп – 2 тыс. 702 пуда... и т. д. (3). Но стоит прочесть доношения самого Беринга в Адмиралтейство, чтобы понять, какой груз ответственности лежал на плечах этого человека, и сколько проблем приходилось решать ему в далеких землях, неспособных обеспечить экспедиции всем необходимым (4).

Вся остальная деятельность экспедиции, в отчете Миллера, связанная с именем Беринга, кажется простой констатацией фактов, лишенной и похвалы, и критики в адрес капитан-командора.

Другое литературное событие, имевшее влияние на изображение Беринга в российской историографии, была посмертная публикация отчета Стеллера о путешествии от Камчатки к Америке с Берингом (5). Тема Стеллера и Беринга – центральная в повествовании, и нет сомнений, что в своем собственном дневнике Стеллер выглядел куда лучше Беринга. Их взаимодействие – особый случай в более широком конфликте между моряком и ученым, в который сам Стеллер чувствовал себя вовлеченным во время путешествия. Стеллер считал унижительным для себя быть в роли эксперта, которого постоянно отвергают и над которым посмеивались подчиненные люди. И он рассматривал Беринга как верховного судью на борту, который мог и был обязан отдавать Стеллеру должное, что ему не удавалось, т. к. вместо этого он переходил на сторону моряков.

Сложные отношения между Берингом и автором, смесь взаимной симпатии и частого несогласия, апогей в конфликте, делают отчет Стеллера отличным от повествования Миллера, «пристегнутым» к событиям экспедиции. Просто нет других источников того времени, чтобы состязаться со Стеллером для красноречивого завершения портрета личности капитан-командора. Вряд ли удивительно, что этот отчет прямо или опосредованно через других писателей должен был оказать подавляющее влияние на последующую концепцию Беринга. Следы стеллеровского взгляда можно выявить почти во всех последующих словесных портретах исследователей. Хотя следует помнить, что знания Стеллера о Беринге были ни безграничны, ни беспристрастны, он считал, что путешествие на «Святом Петре» не обеспечило ему условий для выдающихся открытий в истории природы. После всего, едва избежав смерти, сидя с пером в руке, он не мог скрыть чувства разочарования по поводу того, как все сложилось и обернулось для него. И он знал, кого обвинить. Стеллер считал, что из трех возможностей, которые были у Беринга в 1741 г., он выбрал худшую. Стеллер часто цитирует описание, как он должен был бороться за разрешение выйти на берег на впервые открытом острове Каяк на меньше, чем день, что сильно подрывает репутацию Беринга. Академик Питер Симон Паллас, издавший журнал Стеллера, в авторской сноске выражает издательскую академическую солидарность: «Это непостижимо, что не было и мысли о настоящем исследовании и овладении открытой землей, можно предположить, что изданные генеральные инструкции были несовершенны, или, что на таком расстоянии вся субординация и дисциплина исчезали». Однако позднее ученые поняли, что важнейшим с точки зрения Беринга в той ситуации была безопасность корабля. Подтверждение этому мы находим в журнале мичмана Петра Чаплина «Журнал бытности Камчатской экспедиции мичмана Петра Чаплина с 1726 по 1731 год»: «Ежели бы в то время сделался ветер еще крепче, то неминуемо при столь крутом и увесистом берегу должны были все погибнуть». (Журнал был обнаружен В. Н. Берхом и приводится в его работе «Первое морское путешествие россиян, предпринятое для решения географической задачи: соединяется ли Азия с Америкой и совершенное в 1727–1729 гг. под началом Витуса Беринга») (6, с. 76).

Петер Ульф Меллер попытался сократить некролог до краткого списка безмолвных черт покойного, чтобы они выявились для лучшего обозрения и более удобного обращения. В соответствии со Стеллером, Беринг был:

1. Датчанин («по рождению»).
2. Хороший христианин.
3. Хорошо воспитанный, спокойный.
4. Дружелюбный, популярный у всей команды, ее высших и низших членов.
5. Честно преданный службе (в 1704 г. он поступил на службу в России, на которой он оставался с наибольшей честностью и всегда стремился выполнить все, что ему приказывали).

6. Старый, уставший, готовый уйти в отставку (он часто жаловался, что его усилия неадекватны для такой, данной ему, ноши).

7. Медлительный, колеблющийся, предусмотрительный (известно, что этот умерший человек не был рожден, чтобы принимать быстрые решения и проводить скорые мероприятия).

8. Неэгоистичный, честный («свободный от личных интересов»).

9. Слишком мягкий (снисходительный) для командира (дающий nepозволительную свободу).

10. Слишком некритичный, слишком доверяющий своим офицерам (он слишком уважал офицеров своей команды).

В результате анализа данного перечня ученых приходит к выводу, что упоминание Стеллера о добросовестной службе выглядит как похлопывание по плечу, что может также подразумевать серьезное ограничение: все, что мог делать Беринг, – это выполнять приказы. И пожилой возраст, и усталость звучат, как наиболее корректный способ сказать, что Беринг больше не подходил для своей работы, как заявлял выше Паллас. Петер Ульф Меллер считает, что определенный им в журнале Стеллера перечень качеств может быть полезен как набор инструментов для определения последовательной смены в облике Беринга.

Следующее произведение принадлежит морскому офицеру и историку Василию Николаевичу Берху (1781–1834), который побывал в Русской Америке с капитаном Лисянским в первой русской кругосветной экспедиции (1803–1806). Авторская оценка Беринга выглядит искренней. Только в нескольких случаях Берх выражает сожаление или удивление по поводу действий Беринга. Например, он сожалеет, что Беринг не сообщил, наблюдал ли он лед в Арктике в августе 1728 г. Этому вопросу суждено будет повториться в последующей критике Первой Камчатской экспедиции. Однако Берх сравнивает Беринга с Колумбом, заявляя, что он имел то же право на благодарность от тех, кто использовал его на службе, даже если его морское путешествие произошло 236 лет спустя Колумба. В. Н. Берх повторяет и увеличивает сравнение с Колумбом в начале короткой биографии Беринга (первой такого типа), за которой следует его рассказ о Первой экспедиции: Колумб принадлежит всему миру, у Великобритании есть капитан Кук, а у России – Беринг. Подводя итог заслугам Беринга, как свидетельствует Первая экспедиция, – Берх обращает особое внимание на аккуратность его вахтенного журнала и его способности преодолевать трудности. Он был человеком, который отозвался на великое доверие России того века, в котором он жил. Ясно, что берховский патриотизм распространился на признание иностранцев в их службе его родине.

14 января 1848 г. известный Санкт-Петербургский академик Карл Максимович Бер (1792–1876) выступил с лекцией в Российском географическом обществе о вкладе Петра Великого в приращение географических знаний о России и землях, граничащих с ней на востоке. Бер считал, что Беринг был несправедливо забыт на 50 лет, с момента его смерти до того, пока благородный капитан Кук не восстановил память о нем, назвав пролив между Азией и Америкой его именем. «Через неудачу Беринга началась, когда он дважды ходил через пролив, который сейчас носит его имя, и не увидел берег Америки в августе 1728 г. История всей остальной его жизни стала высоко трагично-поэтической, и Кук вынужден был защищать его от «единственного отчета о его путешествиях, опубликованного в России». В своем основательном представлении всех сторон жизни Второй Камчатской экспедиции Бер приходит к выводу, что главное обвинение Берингу было выдвинуто Стеллером. Опровергая Стеллера, Бер возражает ему в том, что Беринг не мог зимовать на американском берегу и считал бесполезным обсуждать – было ли возможным продлить его стоянку на несколько дней. Заканчивая свою лекцию, академик подчеркнул – в то время как весь цивилизованный мир, даже дети, знают об открытиях Кука, открытия Беринга были обсуждены и забыты на его собственной родине (т. е. России). Чтобы восстановить ущерб, Российское географическое общество и РАК должны были объединить усилия и воздвигнуть памятник Берингу. «На Камчатке маленький памятник Берингу. Признает ли европейская Россия его службу?». Лекция Бера с его предложением увековечения памяти Беринга была опубликована в журнале Географического общества в 1849 г. Это вызвало резкий полемический ответ читателя, который полностью разделил энтузиазм Бера по Второй Камчатской экспедиции, но не ее иностранному лидеру. Противником Бера был Александр Петрович Соколов (1816–1858), государственный служащий в Министерстве торгового флота. Начав свою карьеру с офицера ВМФ, Соколову было суждено стать одним из важнейших историков Российского морского флота. Когда статья Бера появилась в печати, Соколов уже был вовлечен в архивные исследования, готовя главный труд по Второй Камчатской экспедиции. Соколов возражал, что если какой российский исследователь и был действительно забыт, то это не Беринг, а «его товарищ Чириков», капитан «Святого Павла» во время американского морского путешествия.

Бер посвятил ему всего несколько строк. Соколов же, напротив, сравнивая их действия, утверждает, что Чириков превосходил Беринга – и морально, и как моряк.

Что же до Беринга, то он был «датчанин по рождению, был у нас на службе около 30 лет, был добр и образован, достаточно религиозен», но «со слабым характером – слишком осторожным и колеблющимся – фатальный изъян в морском деле». Усилия Соколова сделать Чирикова героем экспедиции со временем получили поддержку другого морского историка, А. С. Полонского, который вскоре опубликовал свой труд по Первой Камчатской экспедиции, основанный на вновь открытых документах. Полонский предполагает, что Беринг пытался скрыть «блестящий совет», предложенный его «мудрым, но скромным товарищем-путешественником», поскольку капитан-командор не цитировал мнения Чирикова и Шпанберга во всех рапортах в Адмиралтейств-коллегию. Почти провал Первой Камчатской экспедиции получил новый смысл. Говоря о лидерах экспедиции, Соколов весьма критичен по отношению к двум офицерам из руководящей тройки – уроженцам Дании – Берингу и Шпанбергу. Тогда как третий русский офицер – Чириков кажется воплощением самого совершенства. Величайшая слабость Беринга, по Соколову, была крайняя недостаточность решительности. Как лидер Первой Камчатской экспедиции он уже обнаружил свою нерешительность, однако его не заменили в руководстве Второй экспедиции. Неудивительно, что он снова не смог справиться с вызовом. Понятно, что контраверсия Соколова-Бера также оказала охлаждающий эффект на российскую историографию экспедиции. В любом случае, примечательно, что XIX в. не увидел биографию Беринга, за исключением вышеупомянутого очерка Берха, который появился по случаю, связанному с памятником в Петропавловске. Первая российская книга XX в. – биография Беринга появилась в 1939 г. Биограф Б. Г. Островский также был автором труда 1935 г. по Второй Камчатской экспедиции. Подводя итог различным взглядам на характер Беринга, в завершении своей книги Островский делает несколько интересных наблюдений. Благодаря центральной роли в огромной Второй Камчатской экспедиции Беринг неизбежно имел много неприятелей, и Островский предполагал, что одна из наименее лестных характеристик, просочившаяся в историографию, зародилась в ссорах и интригах, которые были частью повседневной жизни членов экспедиции. Он критиковал Соколова за «полностью искаженный облик Беринга», одностороннее преувеличение его осторожности, колебаний и уступчивости, что не совпадало ни с записями о его поведении во многих ситуациях, ни с многочисленными жалобами членов экипажа, уличающих его в жестокости в достижении целей экспедиции, ни с фактом его назначения капитаном-командором экспедиции. В 1941 г. – году 200-летия со дня смерти Беринга и году гитлеровского нападения на Советский Союз, издательство «Детская литература» опубликовало 70-тысячным тиражом книгу М. Муратова «Два путешествия капитана Беринга» в серии «Школьная библиотека». Очевидно, цель книги была популяризовать имя Беринга, которое не было общеизвестно и популярно, как отмечал выше Островский. Несмотря на усилия Островского образ Беринга, созданный Соколовым, до сих пор не был полностью приглушен, как свидетельствует следующее описание: «За свои 20 лет службы, большинство из которых прошли в войне со Швецией, капитан не отличался какими-либо героическими поступками. Но не совершил никаких правонарушений. Он был рассудительным и медлительным человеком. Он всегда старался насколько возможно последовательно выполнять все то, что должен был сделать. Набивая свою трубку, Беринг стоял на капитанском мостике и отдавал приказы – какой парус установить и в какую сторону повернуть штурвал. Но если неожиданно, в смутное время, Беринг был вынужден принимать новое решение, он колебался и сомневался. Он просто не любил рисковать».

Как только началась «холодная война», партийная линия потребовала от советских деятелей искусств и ученых отстаивать национальную гордость и прекратить кланяться на Запад. Для историков, изучавших Камчатские экспедиции, это означало сфокусировать свое внимание на истинно русских главных героях. Один из них был найден. Его имя – Алексей Чириков. Газетная статья Соколова в 1849 г. ознаменовала в российской историографии начало темы противостояния Беринг – Чириков. Тогда стало политически некорректным на какой-то период времени упоминать Беринга, не указывая, что Чириков – русский по рождению, был более важен из двух, несмотря на формальные различия в его низшем ранге. Даже сегодня подобная модель может быть найдена в российской историографии других экспедиций с подобной управленческой структурой – иностранец – главнокомандующий и второй командир – русский: Биллингтон и Сарычев, Крузенштерн и Лисянский. Основные направления были заложены в 1950 г. в лекции военноморского историка подполковника В. А. Дивина, опубликованной тиражом в 72 тыс. экземпляров. Вариации этой темы типичны для работ данного периода, например, в книге Д. М. Лебедева 1950 г.

по географии в дни Петра Великого. В книге М. И. Белова 1956 г. та часть, которая посвящена экспедиции, наполнена подозрением к Берингу, как к иностранцу. Казалось, сама «холодная война» отразилась в теории Белова об антироссийском датском заговоре, в котором Беринг мог принимать участие. По Белову, Беринг вошел в связь с датской торговой буржуазией. Он был связан с датским купцом Яковом Ландом. Датчане были заинтересованы в продаже России восточно-индийских товаров и в удержании России вне дальневосточных рынков. Назначение Беринга руководителем II экспедиции к Тихому океану, где у датчан был коммерческий интерес, было согласовано с Амстердамом. Датчане стремились наблюдать за деятельностью России на Дальнем Востоке. Беринг был связан с датским послом в Санкт-Петербурге и передал ему карту первой экспедиции. Этот заговор по Белову несколько неопределенный. Петер Ульф Меллер подчеркивает – не предложено никаких свидетельств, подтверждающих влияние Дании на назначение Беринга. Вадим Иванович Греков добавил эту новую тему Белова в перечень характеристик Беринга в своей книге 1960 г. о российских географических исследованиях. По Грекову, Беринг избежал риска и ответственности и не проявлял достаточной решимости в трудных ситуациях. Он «не был особенно заинтересован в открытии новых стран и островов, и выполнял эти задания до необходимых пределов, чтобы подтвердить выполнение приказов». В 1961 г. новая биография вышла в свет. Автор – Николай Корнеевич Чуковский (1904–1965). Чуковский начинает с постановки вопроса: почему во всем мире Петр Великий выбрал для руководства экспедицией такого человека, как Беринг? Он, определенно, не выглядит человеком, подходящим для впечатляющих императорских проектов. «Он не желал совершать доблестные подвиги, его не волновало, насколько далека была Азия от Америки».

К сожалению, на этом перечень книг, анализируемых профессором Петером Ульфом Меллером, завершается. Вполне естественно, что некоторые из работ, изданных позднее, не стали известны исследователю. Между тем, к концу XX в. появились работы, где авторы стремятся к объективности. Так, в книге «Последняя экспедиция» А. В. Шумилов приводит другие слова Георга Стеллера: «Беринг не способен был к скорым и решительным мерам, но может быть пылкой начальник при толиком множестве препятствий, кои он везде встречал, исполнил бы порученное ему гораздо хуже» (7). И слова Свена Вакселя: «Он не раз говорил мне, что, мол, нехитрое дело загнать людей в места, где они сами могут себя пропитать, а вот обеспечить их содержание – это дело, требующее предусмотрительности и разумной распорядительности» (8).

Витусу Берингу было 43 года, когда он отправился в первую экспедицию. Из них уже двадцать лет он служил на русском флоте. Вот что о нем пишет Татьяна Сергеевна Федорова, наша современница, посвятившая всю свою жизнь работе в архивах РГА ВМФ: «...он всегда отличался исполнительностью, дисциплинированностью, выдержкой, честностью и добросовестностью. Это был уже зрелый, опытный, обладавший организаторскими способностями человек, которому можно было поручить столь важное государственное дело. Петр I знал Беринга лично и считал возможным доверить ему руководство экспедицией. Мы не знаем, как отнесся капитан к этому назначению. Он, безусловно, не представлял, какие трудности его ожидают. Этого не знал никто. Экспедиция отправлялась в неведомое» (9, с. 23). Но обращаясь к правительству с просьбой провести вторую экспедицию, он уже испытал всю тяжесть организации экспедиции, сопротивление местных властей, не желавших, вопреки инструкциям, обеспечивать экспедицию людьми, лошадьми, провиантом, невероятные трудности пути. Так, из 600 лошадей, вышедших из Якутска, до Охотска дошло лишь 267, а оставшихся лошадей вынуждены были бить «за неимением корму и за глубокими снегами, которые ныне пали», – сообщал Беринг (10). Люди же просто разбежались. При этом постоянная переписка с Адмиралтейством, работа с картами, необходимость гасить конфликты, возникавшие как среди простого люда, так и между членами команды, каждый из которых был далеко не простой личностью. И после всего этого Беринг, не раздумывая, снова отправляется в путь. Очевидно, мы слишком мало знаем об этом человеке, и непременно должны восстановить его реальный портрет, ведь, как пишет профессор Петер Ульф Меллер, «частое повторение одной и той же характеристики человека не становится само по себе доказательством ее существования». Архивы ждут своих исследователей.

1. *Muller G. F. Nachrichten von Seereisen, und zur See gemachten Entdeckungen, die von Russland aus langst den Kusten des Eismeerer und auf dem ostlichen Weltmeere gegen Japon and Amerika geschehen sind.* St. Petersburg, 1758; Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с Российской стороны учиненных // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. VII, янв. 1758. С. 3–27; февр., 99–120; март, 387–409; апр., 291–325; май, 387–409; VIII, июль, 9–32; авг., 99–129; сент., 195–325; окт., 309–336; ноябрь, 394–

425; *Muller G. F. Bering's Voyages: the Reports from Russia / transl., with commentary by Carol Urness.* Fairbanks, 1986.

2. *Федорова Т. С.* Доносы и жалобы на В. Беринга как источник по истории Второй Камчатской экспедиции // Русское открытие Америки: Сборник статей, посвященный 70-летию академика Н. Н. Болховитинова. М.: Российская политическая энциклопедия, 2002. С. 195.

3. *Шумилов А. В.* «Самая дальняя и трудная и прежде никогда не бывалая» // Последняя экспедиция Витуса Беринга. М.: АО «Прогресс», 1992. С. 26.

4. Вторая Камчатская экспедиция: Документы 1730–1733. Морские отряды. Часть 1 / Архив Российской Академии Наук (Санкт-Петербург), Фонд Франке (Халле); / сост. Н. Охтина-Линд, П. У. Меллер (ФРГ); отв. ред. В. Хинтше (Халле). М.: Памятники исторической мысли, 2001. 640 с. (Сер. «Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов», Т. IV, 1).

5. *Steller Georg Wilhelm* (1793) G. W. Steller's Reise von Kamtschatka nach Amerika mit dem Commandeur-Capitän Bering, St. Petersburg, bey Johann Zacharias Logan [edited and with a foreword by "P.", i. e., Peter Simon Pallas].

6. *Беринг В.* Камчатские экспедиции. М.: Эксмо, 2012. 480 с. : ил. С. 76.

7. Последняя экспедиция Витуса Беринга. М.: Прогресс-Пангея, 1992. 189 с., [32] с. : ил. С. 26.

8. Там же.

9. *Федорова Т. С.* Встречи с историей. Северная Пацифика глазами исследователя: сб. ст. / сост. И. В. Витер. Петропавловск-Камчатский: Изд-во «Камчатпресс», 2011. 312 с.

10. Там же. С. 37.

11. *Белов М. И.* Дания и Витус Беринг // Путешествия и географические открытия в XV–XIX вв. М.; Л.: Просвещение, 1965. 320 с.

12. *Белов М. И.* Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. М.: Морской транспорт, 1956. 592 с.

13. *Бэр К. М.* Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний. Записки Русского географического общества за 1849 г. Кн. III, С. 217–253; Кн. IV, С. 260–283.

14. *Вахтин В.* Русские труженики моря: Первая морская экспедиция Беринга для решения вопроса, соединяется ли Азия с Америкой. СПб.: Тип. Мор. М-ва в Гл. Адмиралтействе, 1890. IV, 124, [8] с.

15. *Вернадский В. И.* Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии. 1912–1914. [Электронный ресурс]: http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/russia.html#tth_sEc5.2

16. Вторая Камчатская экспедиция: Документы 1730–1733. Морские отряды. Часть 1 / Архив Российской Академии наук (Санкт-Петербург), Фонд Франке (Халле); / сост. Н. Охтина-Линд, П. У. Меллер (ФРГ); отв. ред. В. Хинтше (Халле). М.: Памятники исторической мысли, 2001. 640 с. (Сер. «Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов», Т. IV, 1).

17. *Греков В. И.* Очерки из истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 428 с.

18. *Дивин В. А.* Великий русский мореплаватель А. И. Чириков. М.: Географгиз, 1953. 279 с.

19. *Ефимов А. В.* Из истории великих русских географических открытий. Воениздат МВС Союза ССР: М., 1948. [Электронный ресурс]: <http://geoman.ru/books/item/f00/s00/z0000088/st000.shtml>

20. *Лебедев Д. М.* Плавание А. И. Чирикова на пакетботе «Св. Павел» к побережьям Америки: С прил. судового журн. 1741 г. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 430 с.

21. *Лебедев Д. М.* География в России петровского времени. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950. 384 с.

22. *Магидович И. П., Магидович В. И.* Очерки по истории географических открытий. М., 1984. Т. 3. 286 с.

23. *Муратов М. В.* Два путешествия капитана Беринга: [Для старш. возраста] М.; Л.: Детиздат, 1937. 199, [4] с.

24. *Островский Б. Г.* Великая Северная экспедиция (1733–1743). Архангельск: Севоблгиз, 1937. 85 с. : прил.

25. *Перевалов В. А.* Ломоносов и Арктика: Из истории географической науки и географических открытий. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949. 604 с.

26. Последняя экспедиция Витуса Беринга. М.: Прогресс-Пангея, 1992. 189 с., [32] с. : ил.

27. *Ретин Л.* Открыватели: Отечества российского сыны. М., 1989. С. 46–50.

28. *Северин Н. А.* Отечественные путешественники и исследователи. М.: Учпедгиз, 1956. 302 с.

29. *Соколов А. П.* Беринг и Чириков // Северная пчела. 1849. № 98. 5 мая. С. 391–392; № 99. 6 мая. С. 395–396.

30. *Соколов А. П.* Первая Камчатская экспедиция Беринга, 1725–29 года // Записки гидрографического департамента Морского министерства. 1850. Ч. VIII.

31. Федорова Т. С. Доносы и жалобы на В. Беринга как источник по истории Второй Камчатской экспедиции // Русское открытие Америки : Сборник статей, посвященный 70-летию акад. Н. Н. Болховитинова. М. : Российская политическая энциклопедия, 2002. 496 с.
32. Чуковский Н. К. Беринг: [повесть] СПб. : Сударыня, 1996. 108 с.
33. Шонотов К. А. Великий русский мореплаватель Алексей Чириков. СПб. : Изд-во ГеоГраф, 2005. 160 с.
34. Golder F. A. Russian Expansion on the Pacific, 1641–1850 : An Account of the Earliest and Later Expeditions Made by the Russians Along the Pacific Coast of Asia and North America; Including Some Related Expeditions to the Arctic Regions (1914), Golder, A. F., The Arthur H. Clarke Co., Cleveland, 1914. First Edition. HC, red cloth with gilt tilt on spine. 368 p. Illus. & maps (not fold-out).
35. Under Vitus Bering's Command: New Perspectives on the Russian Kamchatka Expeditions (Beringiana, 1), edited by Natasha Okhotina Lind and Peter Ulf Møller. Aarhus: Aarhus University Press, 2002. 304 p.

ВОСПОМИНАНИЯ О ЖИЗНИ В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

(К публикации материал подготовили Е. М. Верещага, И. В. Витер)

Довольно часто мы знаем историю только через учебники, в общих чертах, не вникая в детали повседневной жизни, которые и создают яркие страницы истории России.

В 2012 г. в одном из домов на ул. Океанской нашего самого восточного города – Петропавловска-Камчатского была обнаружены две рукописные тетради. Работники некоего камчатского охранного предприятия осматривали уже расселенный дом, и одного из них, Вадима Пугача, заинтересовали лежащие среди мусора в углу комнаты две тетради. И, как рассказывал позже Вадим, открыв их, начав читать, он не остановился, пока не прочитал все.

Тетради эти вместе с альбомом фотографий принесли в библиотеку. И мы решили частично опубликовать записи из них.

Все найденное – это живая история, история России, взятая не из официальных документов, а переданная человеком того времени – история с бытовыми подробностями и яркими штрихами жизни первой половины XX в. И спасибо тем людям, которые не проходят мимо таких свидетельств истории.

Как автор воспоминаний, Федор Алексеевич Макаров, связан с Камчаткой, мы не знаем. Может быть, он приехал к детям, может, его дети эти тетради забрали из отцовского дома. Нам не известно, как сложилась жизнь этого наблюдательного, интересного и талантливого человека после 1931 г., – года поступления его в Академию им. М. В. Фрунзе. Свою военную карьеру он закончил в звании генерал-майора. Читайте – и вы немного больше будете знать о жизни в России в XX в.

Из статьи журналистки Натальи Паниной: «Возможно, внука генерала уже нет в живых. На фото он уже пожилой... Квартира, в которой он жил, очень запущена. Думаю, ее покинули многим раньше расселения. Ее будто взяли и в одночасье бросили. Мы с коллегами обратили внимание на оставленную в комнате пачку чая – срок ее годности закончился еще в 2008... Хотя, это только предположение, может, хозяин просто переехал... – делится наблюдениями Вадим Пугач.

Юрий Макаров жил в небольшой комнатке по адресу ул. Океанская, д. 10, кв. 29. Его жильё, действительно, запущено и разрушено. Развалился даже мостик, ведущий в квартиру. Соседи Юрия Макарова, которых в микрорайоне осталось немного, твердят в один голос: «Лицо у мужчины знакомое, но лично его не знаем»».

Тетрадь первая

«Закончил последние чтения 17 мая 1976 года. Кое-что можно добавить, но кое-что и убавить, так как много повторений.

Родился я 8 февраля 1901 года в деревне Дубовик Куркинского прихода Бурцевской волости Ржевского уезда Тверской губернии (Калининской области), в семье, видимо, крепкого середняка крестьянина Макара Ивановича Царькова (но до той поры, когда сыновья его стали взрослыми, тоже был бедняк), семья состояла из шести человек. Дедушка Макар Иванович, бабушка Екатерина Дмитриевна, отец мой Алексей Макарыч, мамаша моя Александра Николаевна, дяди Иван Макарыч и Петр Макарыч. Вот в такой семье я и родился. Крестили меня в церкви Куркино, это в 2–5 километрах от деревни Дубовик. Погост Куркино стоит на Торопецком тракте: Ржев – Молодой Пуд – Торопец. (Крестил меня батюшка очень большого роста, лицо и руки в желваках. Очень сердитый и

неприветливый человек. Потом мне с ним пришлось встретиться в Трушковской приходской школе, видимо, она входила в его погост (очевидно, приход. – Авт.).

Деревня Дубовик обычная, небольшая, домов 20–25, расположенная на отшибе от дорог, захолустная, бедная, самобытная, как говорят, лесная русская деревенька. Деревня Дубовик со всех сторон окружена лесом. Лес столетний, дремучий, девственный, в нем даже медведи водились, да и на месте деревни не особенно давно был лес. С отменой крепостного права туда пришли люди и начали его выкорчевывать, расчистили полянку вдоль места, в свое время родникового, а теперь заболоченного, поселились наши предки, постепенно выкорчевывая лес и расширяя место под посевы хлебов (ржи, овса, редко ячменя и пшеницы) и льна. Однако возможно, что тот ручеек был приличной родниковой речкой, так как ширина заболоченной местности равна 30–40 метрам, но вот постепенно ее затянуло илом и сделало болотистым ручейком.

Местность, окружающая деревню Дубовик, очень красива, особенно в вечернее время, так как на северо-запад идет на подъем, как бы возвышается до самого горизонта километров на 10. Вечером видны огоньки в деревнях, и особенно красив горизонт огней самой дальней большой деревни, а это верст 8, а то и 10, если не больше. Днем кругом за полями виден только лес. Деревня Дубовик расположилась вдоль ручья на два порядка. Через ручей, на котором был невзрачный мостик (весной его всегда сносило, был выезд из деревни в поле и в лес в западном направлении). Весной этот ручеек, принимая талые воды, пыжится, пухнет и является временно на короткое время непроходимым.

Наш порядок, домов 10–12, расположился от ручья на удалении 50–60 метров и больше на отлогом пригорке, почти незаметном возвышении. Примерно метрах в 50 от ручья шла дорога. От дороги к ручью были небольшие огороды, огороженные тыном, там высаживали лук, репу, морковь, редко огурцы, немного капусты, кое у кого были построены амбары и рабочие сараи. По другой стороне этой дороги, метрах в 10–15, стояли избы. У моего дедушки Макара изба стояла ближе к самой дороге, это, конечно, плоховато, да и не намного лучше, когда изба удалена от дороги, но ...имеется поляночка, где можно посидеть семечки полугзгать и поболтать.

Другой берег ручья был круче и выше, наш порядок был как бы внизу. В том порядке также к ручью были огороды, амбары и сарайчики, потом шла дорога, улица там была широкая, и дальше стояли избы. За дворами были планы, размеры которых зависели от количества наделов в хозяйстве, от 30 соток до 50 и больше. На этих планах за домами-дворами также были огороды, сады, а главное, это 1–2 сарая для сена, эти сараи строили поближе к дому, чтобы ближе было носить сено для скотины зимой и солому для подстилки, чтобы получился навоз. В конце планов строили овины и риги для сушки хлебов и льна при обмолоте и других хозяйственных работ. Хлеб молотили на гумне и овине, лен мяли под крышей овина, риги. Все планы были обнесены загородами. Загороды были высотой до полутора метров. Ставили два кола рядом так, чтобы между ними поместилась жердь из тонкой осины, березы или ели длиной 5–7 метров, такие жерди укладывались на связки между колями на расстоянии 30 и больше сантиметров так, чтобы внизу не пролезла свинья или овца, а верхние жерди лежат реже. Все это делается для того, чтобы не заходила на план скотина. А вот огороды, где сеялись и сажались овощи, огораживались исключительно тыном в переплет (это тонкие ветки ольхи, березы, ровные и длинные еловые и другие деревья), так, чтобы курица не пролезла и даже не перелетела. Планы использовались для посадки картофеля, но сеяли и рожь, ячмень, пшеницу, часть места у сараев не пахали, оставляя его для сушки сена. Избы в обоих порядках стояли ближе к ручью. В центре деревни у ручья стояла деревенская баня, построенная по-черному, с предбанником (по-черному – это значит нет трубы), а выложен камень-голыш, так что внутри было сделано место для горения дров, они горят хорошо, и жар идет через камни в баню а дым через дверь на улицу.

Топили ее по очереди или, если свободна, кому нужно. Воду брали из ручья. Баня была небольшая, на 6–7 человек одновременно, но жаркая, и за вечер могла пропустить 20 и больше человек, в зависимости от желающих и количества заготовленной воды. Для горячей воды были бочки, вода нагревалась камнями тут же, в бане, холодная вода также здесь, в бане, в бочке, рядом с горячей.

За овинами начинаются поля знаменитой трехполки, изрезанные мысами и полосами и ляками. Даже поговорка была «за его усы давали три полосы и ляк под картошку». Ляк – это коротенькая полоска. Одно поле под озимой рожью, второе поле под яровыми и третье поле под пары, на это поле весной вывозят навоз, перепихивают его, используют под выгон, на него и через него скот выгоняют, и это поле как бы лето отдыхает, потом осенью на нем будет высеяна озимая рожь. Скотины было мало, машин, даже плуга, не было, плуг появился в 1907–1908 годах и железные